

Молодой человек помолчал немного, а затем тихо ответил: «Сюй Гань».

— Чем ты занимаешься, почему пришёл сюда? — продолжил допрос мужчина средних лет.

Сюй Гань не ответил на его вопрос. Прошло ещё мгновение, прежде чем он сказал: «Я могу победить Дуань Железную Пагоду».

— Немалые амбиции, — усмехнулся мужчина. В этот момент тень от луны сместилась, и лицо молодого человека вышло из полной темноты.

Мужчина средних лет замер. Лунный свет был всё ещё тусклым, но он смутно разглядел, что, хотя юноша был худ, черты его лица были чёткими, а профиль — выразительным. В лунном свете он казался красивым и величественным. Сейчас он смотрел на него сверху вниз, его густые чёрные брови были слегка приподняты, а глаза сверкали пронзительным светом.

Мужчина средних лет был владельцем этого развлекательного квартала семьи Сан, его фамилия была Чэнь, а имя — Юйвань. Он управлял этим местом до сего дня и считал, что повидал всяких людей, но аура, исходившая от этого Сюй Ганя, заставила его сердце дрогнуть, и он невольно слегка откинулся назад.

— Интересно, — Чэнь Юйвань пришёл в себя, выпрямился и отступил на два шага. — Парень, мне всё равно, кто ты. Раз уж ты пришёл в квартал Сан на цзюэди, раз уж тебе нужны деньги, ты будешь следовать моим указаниям.

— ...Сейчас тебе нельзя выигрывать, только проигрывать. Когда можно будет выиграть, я тебе скажу. Проведёшь пять боёв, можешь смело называть свою цену, — Чэнь Юйвань откинул полы своего атласного халата и, развернувшись, ушёл.

— Подождите. Мне нужна маска, — остановил его Сюй Гань.

Чэнь Юйвань на мгновение замер, но не обернулся, лишь кивнул и сказал управляющему: «Хорошо».

Управляющий с любопытством спросил: «Я смотрю, этот Сюй Гань весьма хорош собой, это тоже могло бы привлечь клиентов. Зачем давать ему маску?»

Чэнь Юйвань загадочно улыбнулся и ничего не сказал. Он оглянулся: слуги уже суетились, готовя Сюй Ганя к выходу на помост. Те, кто, сгибаясь, поправлял его одежду, рядом с и без того высоким Сюй Ганем казались просто гномами.

Сюй Гань по-прежнему стоял прямо, неподвижно позволяя им делать своё дело. Губительная ци, исходившая от него, была холоднее, чем воздух ранней зимы, и это вызывало у Чэнь Юйваня некоторое беспокойство.

Чэнь Юйвань ещё раз оглянулся и быстрым шагом направился к ярко освещённой таверне у края арены для цзюэди.

...

«Боже мой, Чжифэн, идиот, ты опять вернулся на то же место!»

«Перестань кружить, Тань Чжифэн, сегодня ты будешь спать под мостом, как ни старайся, всё равно вернёшься сюда».

Спустя полчаса Тань Чжифэн понял, что, кажется, ходит кругами. Ничего не поделаешь: он не знал дороги, а на улицах никого не было. Он уже почти сбился с толку.

— Хватит! — Тань Чжифэн и сам уже был на грани. — Хоть бы один из вас вышел мне помочь!

— Пше... Пше... переулок... — раздался в тишине голос мальчика. — Пше... что... братец Чжифэн, как читается этот иероглиф...

Тань Чжифэн посмотрел в сторону и увидел узкий и уединённый переулок. У входа в него виднелись три больших иероглифа: «Переулок Пшеничной Соломы».

Тань Чжифэн: «...Оказывается, он прямо здесь».

Из корзины донеслось возмущённое бормотание. Тань Чжифэн же стоял у входа в переулок в раздумьях. Хотя он наконец-то нашёл нужное место, но уже так поздно, у кого снимать жильё? Порывы холодного ветра пронизывали его, и он с горечью почувствовал, что его спутники, возможно, правы: сегодня им придётся ночевать на улице.

Тань Чжифэн вспомнил, как молодой человек, указавший ему дорогу, говорил, что в этом переулке живут учёные, приехавшие на экзамены. Может, кто-нибудь проявит милосердие и спасёт их от первой ночи в Кайфыне под мостом.

Он вошёл в переулок, оглядываясь по сторонам. Ни одна дверь не казалась приветливее другой. Он зажмурился, сделал несколько шагов, набрался смелости и поднял руку, чтобы постучать, когда из корзины, долго молчавшей, вдруг раздался холодный голос юноши в зелёной рубашке: «Тань Чжифэн, у входа в переулок кто-то есть».

— Ой, будь осторожен. Этот человек шатается, он либо пьяница, либо попрошайка, — добавила девушка.

— Может... он, он просто хочет ограбить? — заикаясь, спросил мальчик.

Тань Чжифэн обернулся и уставился на тёмный силуэт у входа в переулок. Человек стоял, согнувшись и опираясь на стену, словно переводя дух. «А-а-а...» — в следующее мгновение из корзины донёсся пронзительный девичий крик и приближающийся стук копыт.

Тань Чжифэн отчётливо почувствовал приближение опасности. Переулок, кроме него и того человека в рваной одежде, стоявшего в нескольких шагах от него у входа, был пуст, но невесть откуда рядом с ним пронеслась лошадь, устремившаяся прямо на того человека у входа.

— Осторожно! — крикнул Тань Чжифэн. Человек у входа, услышав крик, резко поднял голову и посмотрел в его сторону.

В тусклом свете Тань Чжифэн успел разглядеть лишь его профиль и тут же замер, в голове стало совершенно пусто. Но ему некогда было размышлять: испуганная лошадь, заржав, поднялась на дыбы и со всей силы обрушилась на человека.

Тань Чжифэн, не успев прийти в себя, взмахнул правой рукой. С его длинных пальцев посыпались бесчисленные светящиеся белые точки, которые быстро устремились к разъярённой лошади. Приблизившись, эти точки внезапно расширились, соединились и превратились в огромную, парящую и сияющую кристальную сеть, которая мягко окутала разъярённую лошадь со всех сторон, остановив её в воздухе.

Человек под копытами лошади быстро сжался в комок, перекатился и избежал опасности. А лошадь, хотя и потеряла равновесие, под действием световой сети застыла в воздухе, а затем медленно, очень медленно, завалилась на обочину.

Тань Чжифэн, всё ещё не оправившись от шока, рухнул на землю, тяжело дыша. Когда он снова посмотрел в сторону входа в переулочек, спасённый им человек в рваной одежде уже исчез.

— Что случилось? — со скрипом открылась дверь соседней узкой лавки, напугав Тань Чжифэна.

Из неё вышел мужчина лет сорока-пятидесяти в плетёных сандалиях. Выйдя на улицу, он сжался и втянул воздух: «Тсс, как холодно».

Тань Чжифэн под удивлённым взглядом мужчины медленно поднялся с земли и, стараясь сохранять спокойствие, сказал: «Я... первый день в управе Кайфына. Хотел спросить, есть ли поблизости место, где можно... э-э... остановиться на ночь или снять жильё?»

В слегка выпученных глазах мужчины промелькнул хитрый огонёк. Он шмыгнув носом и с любопытством посмотрел на Тань Чжифэна: «Что? Хочешь снять жильё, в Императорскую академию поступать? Один будешь жить или?..»

Тань Чжифэн ещё не отошёл от случившегося, а мужчина, увидев, что тот не похож на богача, да ещё и выглядит каким-то растерянным, тут же потерял интерес и уже собирался вернуться в дом, но Тань Чжифэн остановил его: «Эй... подождите! Я... я хочу остаться надолго, и лучше бы, чтобы место было побольше, и можно было бы открыть небольшой бизнес...»

Мужчина тут же обернулся, его глаза загорелись: «Легко! Маленький господин, какое у вас ремесло? Видите, вон то помещение, в самом конце, раньше там была лавка, где продавали масляные лепёшки, можно поставить семь-восемь столов. У меня тут рядом Императорская академия, Государственная академия, много учёных приходят за едой. Вижу, вы тоже человек образованный, снимете здесь — точно не прогадаете!»

Тань Чжифэн, по правде говоря, ещё не решил, чем будет заниматься. За долгие годы он перепробовал почти всё. Он не хотел быть на виду, но и не мог жить в полном уединении. Быть поваром — это его старое ремесло. Подумать только, после стольких скитаний у него снова появился шанс вернуться к старому делу.

К тому же, глядя в ту сторону, где исчез тот человек, он чувствовал, что тот ещё появится. А в переулочке, где собирается молодёжь, нет места лучше для сбора информации, чем небольшая таверна.

«Там можно жить? Сколько серебра в месяц? Не стой столбом, торгуйся!» — стоило ему подумать о своих спутниках, как их голоса тут же донеслись из корзины.

— О, а... в этой лавке есть где жить, какова месячная аренда? — слово в слово повторил Тань Чжифэн.

— Есть... есть... два этажа, можно жить наверху, просторно. Эх, что мы тут стоим, ветер в животе гуляет. Я тебе лучше покажу, — мужчина быстро вошёл в дом за ключами, накинул ещё один ватник и повёл Тань Чжифэна в конец переулочка.

Когда их силуэты исчезли в темноте длинного переулочка, та самая испуганная лошадь, выбежавшая из него, медленно вернулась ко входу. В темноте её тень на стене начала быстро сжиматься, становясь всё тоньше и длиннее, и в конце концов превратилась в двухголовую

змею, которая шипела, высовывая язык.

Следом за ней вышел необычайно высокий и сильный мужчина-иноземец. Волосы на лбу у него были сбриты, а остальные косы небрежно спадали на плечи. В его голубоватых глазах светился злобный ястребиный взгляд.

Он поднял руку, и двухголовая жёлтая змея послушно обвилась вокруг его тела и затихла на руке. Мужчина же, глядя на змею, пробормотал себе под нос: «Хе-хе, кто это тебя остановил?»

Жёлтая змея снова зашипела. В её пасти был зажат маленький клочок бумаги, подобранный с земли. Глаза мужчины блеснули. Он посмотрел на бумажку и задумался. Через мгновение он закрыл глаза, ощущая различные потоки энергии в городе.

В одно мгновение в его ушах зазвучали смех из развлекательных кварталов, вздохи из тёмных переулков, бесчисленные голоса, полные слёз, беспомощности и боли. «Я... я не хочу так просто прыгать...» — он точно уловил один из этих вздохов, полный страха.

Искажённый и странный символ поднялся из ладони мужчины, испуская клубы чёрной ци. Мужчина усмехнулся и с силой прижал руку к стене из синего кирпича.

Чёрная ци постепенно рассеялась, и на мрачном лице мужчины появилось выражение удовлетворения. Он обернулся и огляделся вокруг: «Ты не можешь с ним справиться, так давай попробуем по-другому. Как насчёт того, чтобы устроить ему проблемы с законом? ...Пойдём, сходим на мост Лунцзинь, посмотрим...»

Ночь была глубокой, и огромные тяжёлые городские ворота с грохотом наконец закрылись. В темноте под мостом Лунцзинь у реки Цайхэ, недалеко от Ворот Алой Птицы, словно бы бродила худенькая фигура — тот самый учёный, что указал дорогу Тань Чжифэну. Он бродил здесь уже давно, кого-то ждал и думал о своём. Он весь дрожал на холодном ветру, как лист.

«Отец умер... какой смысл в твоих стараниях?»

«Ты непочтителен! Он тебя не простит!»

Зимний ночной ветер с ледяной крошкой пронизывал аккуратный, но тонкий, как бумага, халат молодого человека. Он был невысок, бледен, худ до костей и выглядел так, словно долго болел. От холода его губы дрожали. Ему всё время казалось, что хриплый голос шепчет ему на ухо: «Прыгай, иди вниз и проси прощения у своего отца!»

Лицо юноши было в слезах, но его глаза после короткого помутнения снова прояснились: «Нет... я не могу прыгнуть, отец всё делал ради меня, я не могу сдать... Столько лет усилий, пока я жив, в будущем... в будущем ещё будет шанс...»

Он остановился, но сзади раздался тихий голос: «У тебя больше нет шанса».

— Ты не... как это можешь быть ты? — этот голос был так знаком, что юноша мгновенно что-то понял. Он обернулся, его глаза расширились от ужаса, и от сильного толчка он полетел вниз. Он протянул руки, беспорядочно хватая воздух, и его тело погрузилось в ледяную воду. Он даже не успел крикнуть «помогите».